

Журнал "Современные записки"

№ 25, 1925

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 32
ББК 66
Ж92

Ж92 Журнал "Современные записки": № 25, 1925 / – М.: Книга по Требованию, 2022. – 584 с.

ISBN 978-5-458-66938-2

"Современные записки" — литературный журнал русской эмиграции, издававшийся в Париже с 1920 по 1940гг. Задумывался как ежемесячное издание, но в реальности удавалось издавать не более 6 номеров в год, а с 1931 всего 2-3 номера в год. Тираж журнала составлял не более 2000 экземпляров. Как и другие эмигрантские издания, журнал «Современные записки» был запрещён в СССР. Тем не менее, сообщается, что номера журнала доставлялись в Кремль с дипломатической почтой. Кроме того, отдельные экземпляры ввозились на территорию СССР нелегально.

ISBN 978-5-458-66938-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Каменный Вѣкъ

I

Безрукій --- правую свою руку онъ потерялъ еще въ бытность слесаремъ, въ Одессѣ, — перебрался на Южный Берегъ и занялся болѣе легкимъ дѣломъ: водилъ пріѣзжихъ по дачамъ и пансіонамъ, показывалъ земельные участки, провожалъ на прогулкахъ въ горы, выискивалъ у татаръ разную старину, — оловянные кувшины, дѣдовское оружіе, въ серебрѣ чеканномъ, ковры и чадры, — словомъ, кормился гулевой публикой. Хорошо научился по-татарски, былъ смѣтливъ, услужливъ, ловокъ и сдѣлался для пріѣзжихъ прямо необходимымъ человѣкомъ. Пріѣзжавшіе отдохнуть и погулять желали развлеченій, а Безрукій умѣлъ потрафить. Да въ иныхъ дѣлишкахъ какъ-то и удобнѣй было имѣть съ нимъ дѣло, — будто и не человѣкъ выходитъ: одна рука, и ужъ очень рыжій.

По округѣ его всѣ знали и такъ и называли — Рыжій, за огненные бакенбарды, подъ англичанина, — а то и совсѣмъ пріятельски: Рыжая Обезьяна. Правда, красотой онъ не отличался: былъ носастый, коротконогій и косолапый, уши торчали лапухами, челюсти сильно выпирали.

Такой былъ случай...

Какъ-то, одинъ профессоръ заспорилъ на веселой прогулкѣ съ батюшкой о теоріи Дарвина, вытащилъ Безрукаго напоказъ и при общемъ смѣхѣ — смѣялся и самъ Безрукій — опредѣлилъ:

— Ну, глядите!.. Явные черты почтенныхъ предковъ!..

И всѣ признали. И батюшка даже согласился:

— Ммдаа... признаться!...

А нагрузившійся архитекторъ, для котораго наломалъ Безрукій сталактитовъ изъ пещеры, далъ ему три рубля и расцѣловалъ въ утѣшеніе:

— Наплюй, Рыжая Обезьяна... Въ сущности, говоря... всё... скоты!

Съ того случая и установилась кличка.

И хоть былъ онъ уродливъ и калѣка, а обзавелся семействомъ. Тройка у него дѣтишекъ подрастала, всё рыженькіе — въ него. И капиталцу сколько-то отложилъ, собирався собственный пансіонъ наладить и даже имя ему придумалъ — «Веселый Вѣкъ» — и выйти, какъ говорится, въ люди. За войну и совсѣмъ окрѣпъ, совершилъ уже запродажную на домикъ, — какъ вдругъ, начавшаяся неожиданно смута спутала всё расчеты. Запродажная полетѣла, капиталецъ изъ банка не выдали, банки всё сразу кончились, — словомъ, вся жизнь перекувырнулась и встала на голову. Веселая публика вдругъ пропала, а заработать и съ двумя руками стало негдѣ. Онъ было сунулся за пособіемъ къ новому начальству, трудовому, — всетаки бывший слесарь, и безъ руки! — но его просто выгнали, какъ «позоръ пролетаріата». Такъ ему и сказали замѣнившій полицейскаго пристава мальчишка съ револьверомъ. А онъ, правду сказать, надѣялся...

Пришлось цѣпляться, за что попало. Онъ было взялся охранять дачу, брошенную сбѣжавшимъ хозяиномъ, рассчитывая, что теперь затеряется хозяинъ, и дача станетъ его, повертѣлся съ годикъ, вымѣнялъ и проѣлъ, что уцѣлѣло въ дачѣ, до самой крыши, и до того, наконецъ, добился, что пришлось ловить кошекъ на западню, — слесарство-то пригодилося! — но и кошки скоро перевелись. Последнее, что у него осталось, — драповое пальто, онъ вымѣнялъ на хлѣбъ — дѣтямъ и очутился къ зимѣ въ трепанномъ сюртукѣ, послѣ хозяина-дачника, когда-то очень шикарномъ, и въ шляпѣ-панамѣ, внушавшей, бывало, довѣріе прїѣзжимъ, теперь тоже потрепанной и даже для него жуткой напоминаніемъ о прошломъ.

Пошли слухи, что уже помирають голодной смертью, но Безрукій не вѣрилъ въ такой конецъ. Отъ веселыхъ господъ, съ которыми ѣздилъ въ горы на пикники, — а сколько было всякихъ профессоровъ! — онъ кое-чего набрался. Говорили душевно, начистоту, — подъ небомъ! Это когда еще голыми дикарями жили, въ пещерахъ хоронились, — какъ вотъ подъ Чатырь-Дагомъ, Тысячеголовая Пещера, тамъ и теперь человѣчьи кости и черепа находятъ и даже растаскиваютъ ихъ на память, — въ древнія времена, когда люди камнями бились и камнямъ молились, — тогда, дѣйствительно, было страшно. Потому — «Каменный Вѣкъ» и называется. А теперь — какая культурная цивилизація! Человѣческій голосъ за тысячи верстъ слышенъ, про всякія звѣзды все извѣстно, и изъ одного воздуха все добывать можно, и даже сахаръ! А работать будутъ только однѣ машины. Многого понабрался Безрукій на прогулкахъ, когда, на веселомъ огонькѣ, на кизиловомъ пруту, поджаривалъ шашлычки изъ молодого барашка, и, со стаканчикомъ краснаго, самъ весь красный, довольный, что живетъ въ такое славное время, съ такими образованными людьми, подкидывалъ къ общему тосту и свой ревъ-голосъ — во славу еще лучшаго будущаго.

Помереть съ голоду, ему и дѣтямъ?!. Немыслимо. Не допустить. Совсѣмъ недавно какіе знаменитые господа говорили отчетливо, что постигли теперь всѣ тайны, покорили всю силу земли и скоро раскроютъ небо! Безрукій любилъ послушать, душа горѣла... И было это совсѣмъ недавно, даже вотъ самая та панама!..

И кругомъ было — какъ совсѣмъ недавно. Тѣ же стояли горы, всѣ ласковыя, все разныя: голубыя, золотыя, синѣющія къ ночи. Тѣ же на нихъ дремлющіе лѣса, и орлы надъ ними. На яйлѣ ходятъ барашки, въ морѣ гуляетъ рыба. И виноградники, и дачи, и дороги, — правда, теперь пустыя...

Все это было. Но у Безрукаго дошли послѣдніе запасы,

и ему стало страшно. Онъ перезанималъ у знакомыхъ татаръ, что можно, но кругъ сжимался, и, наконецъ, сдавило. Стало ясно, что смерть приходитъ.

Оставалось послѣднее — сходить въ горы, къ дорожному сторожу Григорію Сшибку. Правда, надежды на Сшибку было мало, какъ на камень, — отъ слезъ не треснетъ. Но бываетъ, что заговоришь и съ камнемъ.

II

Со Сшибкомъ у Безрукаго было старое знакомство, дѣлашки. Возилъ, бывало, Безрукій веселыхъ господъ къ «Торчку», къ высокому камню на опушкѣ, неподалеку отъ дорожной казармы, — «глядѣть луну». У Сшибка брали вина и молодого барашка, были у него красавицы-дочки, а можетъ быть и не дочки, — Безрукій въ метрики не глядѣлъ, — наливали гостямъ въ стаканчики... А въ прохладной казармѣ можно было съ пріятностью почевать на горномъ душистомъ сѣнѣ и встрѣтить въ горахъ утро. Въ тѣ времена немало-таки перепадало Сшибку. Зналъ Безрукій, кого повести почевать въ казарму, кому намекнуть про дѣвочекъ-хохлушекъ, что вотъ, съ недѣлю, пріѣхали погостить къ папашѣ «съ-підъ Катэрынослава». Понятно, гулять теперь на луну не ѣздятъ, и дочки куда-то слыли. Но казарма и Сшибокъ — были.

Встрѣтилъ какъ-то Безрукій Сшибка, на берегу, у моря. Вспомнили прежнее, поговорили...

Забиралъ Сшибокъ у татарина на базарѣ соль.

— Пищишь, Рыжій?.. — швырнулъ обычно, черезъ плечо, Сшибокъ.

— Запищишь... другой мѣсяцъ съ дѣтьми безъ хлѣба... Быкомъ поглядѣлъ Сшибокъ, какъ отмѣрилъ.

— Хлѣба нема — соль лопай. Вотъ и покупаю. Що?.. — повелъ онъ по-лошадиному, бѣлками, — шляпа одна съ тебѣ осталась да букинъварды... якъ у кобеля хвистъ!

Съ господишками бы тикалъ, а ты съ дурнями скулить остался?..

Безрукій поостерегся спорить: все надумывалъ, какъ бы заговорить о хлѣбѣ.

— Что жъ, съ господишекъ и тебѣ перенадало... — сказалъ онъ робко, — каждому человѣку надлежить питаться...

— То воно у старину було, у глупое время! А тѣперь... каждый и шобъ трудомъ... камнемъ а то коломъ! — усмѣхнулся усами Сшибокъ. — Лихо же твое дѣло, слесарь... Уси замки посбивалы, а новыхъ повѣсить не на чого!..

«Сытъ, коли зубы скалить», — подумалъ всердцахъ Безрукій, а сказалъ покорно:

— Главное, рука у меня одна...

— У волка и той нѣту, а волкъ весело!

— Все ты веселый, и шея, что у быка! Отъ тебя все отскочить...

— Було, ще и бодался! А тѣперь и самъ на роги попался.

Безрукій оглянулъ его съ бараньей шапки до сапоговъ: все такой же, — верстовой столбъ, чугунный!

— Некому тутъ съ тобой ровняться... — польстилъ онъ Сшибку, надумывая о хлѣбѣ. — И теперь на горахъ живешь, ни передъ кѣмъ головы не клонишь...

Тутъ онъ вспомнилъ про важное и таинственно заморгалъ Сшибку.

— Еще чого?..

И прежде, бывало, не любилъ Безрукій, какъ выкатить тяжелые глаза Сшибокъ, а тутъ и совсѣмъ перепугался.

— Да такъ... болтають...

— А ты... добалтывай! Чего такос?..

Мигнулъ Безрукій: подальше отойти надо, татаринъ слышать.

Изъ дружбы, Григорій, предупреждаю... На Перевалѣ, будто... шибко обижать стали?..

— Ну...?!..

— Ну... и тебя словно называютъ... зря, понятно...

Повель Сшибокъ зубами, потеръ, какъ лошадь.

— На-зы-ва-ють..? — сказала онъ глухо, метнувъ бровями, — подалась даже шапка. — Награбили съ господишскъ, прожрали, дохнуть... а я — гра-блю?! Кто это тебѣ говорилъ... я тѣбѣ уважу..?

Понялъ Безрукій темное въ глазахъ Сшибка. Дрогнула въ немъ душа, шепнула ему: не надо! Но Сшибокъ держалъ клещами:

— Кто тѣбѣ... говори! уважу..?

А голодъ сказалъ: дать хлѣба! И сказалъ Безрукій, что говорилъ такъ про Сшибка старый мечникъ Семень Турка. И понялъ, что губить человѣка.

— Семень Турка... Мадно! Вотъ, на Кузьму-Демьяна, послѣдняго барана рѣжу, солить буду! — объяснилъ про соль Сшибокъ. — Заходи у гости, Рыжій... подѣлюсь требушиной. А тамъ... подыхать будемъ!

— Конь па-дыхалъ, кароши чилавѣкъ на-миралъ... а твой деньга балшой, нашаница въ камни ховалъ, нашъ турѣнки золото татаръ мынялъ! — жилами закричалъ татаринъ, языкомъ зацокалъ: — Це-це-це... па-дыхалъ!? Весь горы знаютъ, какой правда!..

Зашумѣлъ Сшибокъ на весь базаръ. И пустой былъ базаръ, а ближній народъ собрался. Поднялъ Сшибокъ черный кулакъ, какъ молотъ, и грохнулъ о прилавокъ, — запрыгали всѣ гирыки.

— Горы знаютъ?! А того знаютъ, гдѣ кровныя мои гуляютъ?! Уси капиталы дѣвчонки-сучонки мои позабырали, съ господишками за море укатали!.. Зна-ють?! Тѣперь съ голоду подыхать приходится..?

— Издохъ мышъ на мукѣ, весь мышъ плакалъ! — кричалъ и кричалъ татаринъ. — Па-гади... я тебѣ сказалъ!.. Пришелъ лигушкъ къ маравей, га-лодни...

Не далъ ему говорить Сшибокъ:

— Уси добрые люди знаютъ, какія у мэнэ дочки... до послѣдняго кругляка позабырали! Вотъ этотъ чело-

вѣкъ знаетъ, Рыжій... Ну, какіе у мэнэ были капиталы? Ну..?!..

— Да какіе жъ у васъ могутъ капиталы... трудовые! И тѣ въ викуацію позабирали... — поддержаль Безрукій.

— Па-гади, я тебѣ сказалъ... Пришелъ лигушкъ къ маравей...

Опять не даль говорить Сшибокъ:

— Какой мышъ на мука подохъ? Татарскій!.. Измору нашего ждете, коневья жила?! Мы съ голоду подохнемъ, а гололобые въ шишъ-бешъ свой играть будутъ, нашими костяками у кофейняхъ? Я двадцать годовъ камень этими вотъ билъ, дороги чертямъ чинилъ... а они теперь на моей крови кататься будутъ?..

А люди поддерживали:

— Извѣстно, теперь насъ всякій татаринъ обидѣть можетъ!

— Йѣххх!.. — крикнулъ татаринъ сердцемъ. — Ну, какой твой правда?! Всѣ жилъ, руски жилъ, татаръ жилъ... Я видалъ, кто жилъ-обижалъ! Теперь сталь-падыхалъ... татаръ обижалъ?! Йѣххх!..

Понесъ соль Сшибокъ. Безрукій за нимъ поплелся.

— Есть у меня, Григорій, брюки замѣчательныя, чернаго кастора... отъ стариннаго времени, когда еще съ господишками гулять ѣздили...

— Подарить мнѣ хотишь, чи шо?

— На мучку бы посходнѣ вымѣнялъ...

Круто остановился Сшибокъ, такъ и ударилъ взглядомъ.

— Ты чого мэнэ голову морочишь... ты шо, смѣешься?! Сказано тебѣ, рыжій чортъ... во-отъ дошло! Шо я вамъ, дьяволамъ... мырошникъ сдался?!

— Да я по дружбѣ... — поникъ головой Безрукій, — хорошему бы человѣку... Татары за ничто схватятъ! Понесу завтра Амиду, набивался...

Шагалъ и шагаль Сшибокъ.

Семень Турка..? И люди были?..

— Которые тутъ слыхали... Ну, я ему... Сколько,

говорю, годовъ я этого человѣка знаю... говорить такъ оскорбительно негодится! А которые грозились... Мы, говорить, съ солдатами дознаемъ... короткимъ правомъ...

— Поглядимъ, у кого короче! Собаки-воры... Я ихъ никакихъ правовъ теперь не знаю! Сидѣлъ на горахъ — и буду! Чего за хлѣбомъ ко мнѣ на-карачкахъ ходить...? Почему допрежде не голодали, собаки хлѣба не поѣдали?! Ку-да его, суки-ны сыны, прожрали?! Да ихъ, проклятыхъ...! — скрипнулъ зубами Сшибокъ, — пушай уси до единого подыхаютъ, якъ черви на дороги... Попировалы, теперь у хряка лизать горазды! А, растереблю всю муру, на степу подамся, на родину... мнѣ на степѣ вольнѣй будетъ. А ты, въ случаѣ чего... уважу.

— Да я... я, Григорій... отъ древняго времени... чернаго кастору... — обрадовался Безрукій, до слезъ проникся.

— Ладно, загляни на Кузьму-Демьяна. И брюки мнѣ, пожалуй, необходимо важны, на родину не въ чемъ ѣхать, оборвался... — сказалъ Сшибокъ, поигрывая глазами. — Заходи. Можетъ ще и бутылочка найдется... на прощаньи! Бывало время...

Суровъ былъ Григорій Сшибокъ, душою темень, а видомъ — цыганъ-цыганомъ: высокій, огнеглазый, черный, торчками брови, рука сухая. Зналъ Безрукій, что звонкое золото любилъ Сшибокъ, турецкое и наше; что ходили у него барашки съ татарскими на яйлѣ. Мѣнивалъ у него на муку Безрукій всякаго добра съ хозяйской дачи, — Сшибокъ всему находилъ мѣсто. На берегу съ голоду помирали, а онъ сидѣлъ на горахъ, и жалованья ему уже не платили, а онъ жилъ и жилъ бобылемъ въ казармѣ.

Разстались они дружно.

И хоть никакихъ штановъ не было, и сказалъ про штаны Безрукій, только бы зацѣпиться, — все же пришла надежда. По старому-то знакомству хоть полпудика ячменьку дастъ Сшибокъ: и на родину уѣзжаетъ, и общалъ требушинкой подѣлиться...

Стало ужъ и совсѣмъ круто. Съ недѣлю жили однимъ паренымъ кизиломъ, и Безрукій почувствовалъ, что слабѣетъ. Наконецъ, дождался: подошло первое число ноября, Кузьмы-Демьяна, — итти на поклонъ къ Сшибку. Разъ ужъ онъ поднимался къ нему, на девятую казарму, на двадцать третью версту, за Переваломъ, — и не захватилъ дома.

И вотъ, на Кузьму-Демьяна, когда собирался Сшибокъ барана рѣзать, пустился Безрукій за требушиной въ горы.

Тому съ недѣлю, убили на Перевалѣ стараго печника Семена Турка: камнемъ убили въ голову, ограбили и раздѣли. Несъ онъ муку со степи.

Страшно было Безрукому итти къ Сшибку, давило душу. Но голодъ гонить. И про брюки, чернаго кастора, вспомнить...

«Скажу... несъ, да на Перевалѣ отобрали...».

Подумалъ: да чего же на мучку вымѣнять? — не дастъ такъ Сшибокъ. Не было ничего. И взялъ онъ для прилику, чтобы не совсѣмъ стыдно было, послѣднее, что у него осталось, — паяльникъ. Все лучше, чѣмъ съ пустыми руками.

Съ голоду все темнѣетъ. И въ головѣ темнѣетъ.

III

Вышелъ онъ до зари, — еще ярко горѣли звѣзды, еще и не начинало свѣтлѣть въ морѣ. Отъ смутныхъ, спутанныхъ ночью горъ — валило тугимъ и студенымъ вѣтромъ, мотало старые кипарисы. Надѣлъ на себя послѣднее, что осталось: хозяйскій сюртукъ, замызганный и въ заплаткахъ, неизносную свою панаму, штаны дерюжные, — изъ сахарнаго мѣшка справилъ, — и когда-то шикарные, на шнурочкахъ, когда-то оранжевые штиблеты, теперь разбитые до гвоздей и замотанные бечевками. Несъ въ мѣшкѣ мѣдный паяльникъ да крохотную ячмен-

ную лепешку. Навязала ему жена дѣтскую долю, — а то заслабнеть.

Трудно и зябко было итти въ ночь, на вѣтеръ, прохватывало до кости и душило, а дороги за двадцать верстъ, и все — въ гору. Но онъ подвигался твердо, отмѣривалъ шаги счегомъ.

Чѣмъ выше взбирался, онъ по бѣлѣвшей извивами дорогѣ, больше блѣднѣли звѣзды, зеленѣло-яснѣло небо, ширилось и свѣтлѣло море. Горы выходили изъ ночи и придвигались.

Прямо — дымный въ разсвѣтѣ Чатырь-Дагъ, великан каменная Гробница. Пустота — въ глубинѣ его. Слышна, когда кони стучатъ копытами. Зналъ ту гулкую пустоту Безрукій, — провалы въ камнѣ. Лежитъ въ Гробницѣ каменный великанъ, вытянулся въ-полнеба, сложилъ на груди руки. Четко виднѣнъ на озаренномъ небѣ. Все такой же. На голой груди его горѣли костры когда-то, дремали у ногъ отары. Страхомъ теперь отъ него тянуло, тоскою камня.

Правѣй — весслая Катеринь-Гора. Всю дорогу будетъ она кружиться, показывать пыльную грудь и гордую голову Царицы, съ крутымъ челомъ, круглолицую, съ пышными волосами, въ діадемѣ. Всю дорогу будетъ она вертѣться, мутить душу.

Къ морю — Хребты Судакскіе. Синевато бѣлѣютъ жестью. Одинъ за другимъ, — Цѣпи.

На сумеречной, глухой дорогѣ, передъ неохватными горами, Безрукій почувствовалъ безнадежность. Даль каная. Не добраться. Камень, да пустота, да вѣтеръ. Человѣка не видно. Пѣтуховъ по зарѣ не слышно.

А день уже занимался.

Море начинало мерцать въ туманѣ розовато-зеленымъ, разсвѣтнымъ, блескомъ. Стали оживать горы, играть тѣнями.

Любилъ горы Безрукій, но въ это утро онъ уже ничего не видѣлъ. Одно видѣлъ: сѣрую пыль дороги. Шагаль и